

КАРА
ЛИНН

Останься

Он слишком дикий
Она слишком много потеряла
Ни один из них не был готов к любви

Кара Линн

Останься

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39468148

ISBN 9785449392251

Аннотация

Все, чего хочет она – сбежать как можно дальше от своей боли. Все, чего хочет он – как можно скорее избавиться от капризной попутчицы. Если он бросит ее, то она не выживет. Но есть ли ему до этого дело?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	43
Глава 5	56
Глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Останься

Кара Линн

Дизайнер обложки Инна Эверли

© Кара Линн, 2019

© Инна Эверли, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-9225-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

«Под ледяным небом северных земель»

«Что я здесь делаю?..»

Мои ноги по щиколотку провалились в рыхлый сухой снег. Казалось, что ледяной ветер завывает со всех сторон. Он пробирался под тонкую ткань моей осенней куртки, под пушистый серебристый свитер с узором из улыбающихся оленьих голов под треугольным воротом. Еще немного – и он бы смог проникнуть даже под мою кожу, сковав все мое тело ледяным оцепенением.

«Зачем я сюда приехала?.. Что я здесь делаю?..»

Я стояла посреди заснеженного поля, а позади сероватой полосой убегала куда-то за непроглядную январскую пелену лента узкой загородной трассы. С натужным сердитым ревом по ней изредка спешили легковые автомобили или неспешно ползли ленивые потрепанные грузовики.

Справа чернела глухая стена из огромных сосен. Она тянулась вдоль линии всего горизонта и плавно перетекала в такую же дремучую стену слева. Небо над этим суровым лесом уже начинало подергиваться сумраком, а я до сих пор не могла собраться с мыслями и решить, что мне делать дальше. Я даже не могла выбрать, в какую сторону мне теперь

двигаться.

«Что я... Кто я?»

И правда ведь – кто я? Молодая женщина в расцвете лет, про таких в моих краях говорят «Птица, упорхнувшая к облакам»... Только я себя таковой давно не ощущала... Вам встречались когда-нибудь люди, доведенные до отчаяния? У них такой особый, потухший взгляд, они будто выпиты изнутри, как смятый пакет апельсинового сока. Они тусклые, словно выгоревшие на солнце некогда красочные плакаты. Я – одна из них.

Но такой я была не всегда. Нет, конечно же нет.

Когда-то я была полна сил, преисполнена жизнью и ее энергией. Она бурлила не только во мне, но и вокруг. У меня была семья, была любимая работа. Даже до смешного далеко идущие планы. Наверное, в те времена мне можно было даже позавидовать. У меня было все, чего только может пожелать обыкновенный человек: заботливый и надежный муж, веселые и верные друзья, очаровательный ребенок, достаток в доме... Но все оборвалось, когда мы узнали, что наша дочь больна.

Рак... Какой распространенный и набивший оскомину диагноз. Но я никогда не могла бы и предположить, что эта беда постучится и в мой дом, сможет разрушить и мою жизнь.

Мы похоронили дочь... Наш брак начал распадаться на глазах. И вся моя такая слаженная и стабильная жизнь

рушилась, как карточный домик. Я начала выпивать, по вечерам меня все чаще можно было застать в компании заполненного до краев бокала. Я бросила работу, оборвала все связи с друзьями. Теперь их жизнь казалась мне чуждой, словно посторонней. Слишком яркой, слишком полноценной и пестрой для моего темного, наполненного болью мира...

Через несколько месяцев я подала на развод и съехала на съемную квартиру. Тогда мои дела пошли совсем плохо. Я осталась совершенно одна, наедине со своими черными мыслями и своей усугубляющейся день ото дня депрессией.

А вскоре... А вскоре настал этот момент. Тот самый, ну вы знаете... Когда люди просто решают покончить со всем этим. Когда все уже настолько безнадежно и доходит до той точки невозврата, где улучшения или новая жизнь тебе уже просто не нужны. Когда ты ничего не хочешь и постоянно ощущаешь лишь смертельную усталость.

В тот момент у меня было всего два варианта. Сделать то, о чем я мечтала с того дня, как вернулась в свой опустевший дом после похорон... Или вытворить нечто совершенно безумное, нелепое и абсурдное, что могло бы в корне изменить мою жизнь, заставить меня встряхнуться.

Я просто валялась на диване в гостиной перед уныло бубнящим телевизором, задумчиво поглядывая на блестящие упаковки таблеток, грудой сваленные на краешек журнального столика. Я даже было потянулась за первым блистером,

но... Моя ладонь внезапно схватила вместо этого мобильный телефон.

Несколько минут – и я уже мчусь на заднем сидении такси. Оранжевые фары резво разгоняют ночной мрак, по бокам мелькают огни разноцветных витрин, из колонок автомобиля завывают популярные хиты...

В аэропорту я почти полчаса топталась у окна кассы, не в силах придумать хоть что-либо. Куда мне лететь? На отдых мне явно не хотелось. Да и возиться сейчас с визами и документами – слишком муторное занятие. Нет, мне нужно что-то... Что-то особенное... И прямо сейчас!

На меня уже начали косо поглядывать охранники. Люди в зале ожидания томились у своих чемоданов, дети с криками бегали между металлических кресел, а я все переминалась с ноги на ногу у заманчиво белеющего окошка кассы.

И тут я вспомнила! Меня словно озарило... Или громом ударило, называйте, как хотите.

Когда-то в детстве у меня была любимая сказка. Притча о далеком народе, проживающем на северных пустошах, у подножия величественной горы... Да! Именно туда я и отправлюсь.

– Добрый вечер. Могу я вам помочь?

Оказывается, я уже несколько минут стояла прямо перед удивленной сотрудницей аэропорта, упершись грудью в бортик кассового окна. Поглощенная своими мыслями и неожиданным озарением, я даже не заметила, как добрела сюда.

– Да, будьте добры... Как я могу добраться до горы Маталлар?

Кассирша удивленно приподняла густую темную бровь. Затем попросила подождать пару минут, и принялась что есть сил бить пальцами по клавишам своего компьютера, что-то выискивая. Ее безупречно выглаженная униформа с красным платочком на шее заняла все мое внимание и скрасила время ожидания. С тупым интересом я разглядывала на ее жилете блестящие металлические пуговицы с тиснением, где был изображен парящий самолет.

– К сожалению, в это время года никаких прямых рейсов нет, потому я могу предложить лишь один вариант.

– Хорошо, предлагайте.

Я уже давно вытащила из своей небольшой сумки портмоне и паспорт. Все люди в зале толклись с огромными баулами, безразмерными чемоданами... У меня же на плече болталась единственная тощенькая сумка, в которую я положила лишь сменную одежду и предметы личной гигиены.

– Вы можете долететь до самого северного города, куда сейчас отправляются самолеты. Ближайший отходит через пять часов. Из него каждый день идут по маршруту туристические автобусы, но все они останавливаются у первой горной гряды. Маталлар находится за третьей грядой, и туда сейчас добраться возможно лишь своим ходом.

Кассирша развела руками в стороны. Всем своим видом она явно демонстрировала, что вообще не понимает, кому

и зачем может понадобиться туда ехать.

– Хорошо, давайте билет.

Когда я протянула нужную сумму, забрала и спрятала обратно в недра сумки свой паспорт, а затем принялась изучать купленный билет, кассирша внезапно снова подала голос:

– Вы ведь знаете, какие сейчас в тех краях погодные условия?

– Не переживайте, мне мороз не страшен, – презрительно фыркнула я.

...Никогда в жизни мне не было так холодно. Я не ощущала ни своих посиневших кистей рук, ни побелевшего от ледяного ветра лица.

«Господи, зачем я сюда вообще приехала? Что я здесь надеюсь найти?..»

Автобус уехал почти сорок минут назад, оставив меня один на один с этим невозможно суровым климатом. Все пассажиры были облачены в горнолыжные костюмы, закутаны с головы до ног. И лишь я была одета, как обыкновенный городской житель с юга страны – ни шапки, ни рукавиц, да еще и джинсы с дырками на коленях, надетые прямо на голые ноги.

Демисезонные короткие ботинки, явно не предназначавшиеся для подобных вылазок, давно забились до краев снегом, который теперь таял, делая мои носки насквозь сырыми. Я находилась здесь менее часа, а уже успела пожалеть раз триста о том, что так легкомысленно отнеслась к путе-

шествию. Я даже не подумала о том, что следовало подготовиться. Не побеспокоилась о подходящей одежде и обуви.

Приближалась ночь, а я осталась совсем одна на пустующем снежном поле, в своем нелепом одеянии. Без еды, без маршрута или карты, без каких-либо идей насчет того, что мне делать дальше.

Даже без мобильного телефона или возможности хоть как-нибудь связаться с внешним миром, случись со мной что. Потому что я нарочно удалила все контакты с карты памяти, ожидая свой рейс в зале аэропорта... А перед посадкой просто оставила мобильник лежать на прохладном металлическом сидении кресла.

Я бы могла сейчас повернуть назад, потоптаться на оледенелой трассе, поймать попутку, добраться до ближайшего придорожного мотеля, заночевать там, а утром вернуться домой. Но...

Я сделала еще несколько шагов вперед, преодолевая порывы ветра.

Конечно, я прекрасно понимала, чем все это может для меня закончиться. Если в ближайший час-два я не найду укрытия или какого-либо сухого и теплого убежища, то просто замерзну насмерть. Я не дотянула бы даже до полуночи. Кожа на руках и на лице, а также на тех открытых частях ног, где в моих джинсах зияли рваные дыры, начинала очень подозрительно белеть и терять всякую чувствительность.

Чтобы хоть как-то подбодрить себя, я принялась бормо-

тат себе под нос отрывки из маталларской детской сказки, стараясь припомнить весь сюжет и собрать его воедино.

Я высоко поднимала ноги, чтобы сделать очередной шаг. Приходилось с усилием вынимать одну ступню из снежной пасти, затем ставить немного вперед, переносить равновесие на нее, с кряхтением вытаскивать вторую, и так до бесконечности. У меня сбилось дыхание, я вымоталась и кошмарно устала, преодолев всего лишь несколько сотен метров.

Природа щедро припорошила эту пустошь, и двигаться быстро здесь было просто невозможно. Со лба у меня капались крупные капли пота, спина под свитером покрылась испариной. Но конечности заledenели и замерзли до такой степени, что грозили вскоре отморозиться напрочь. Это было странное и контрастное состояние, полное физического дискомфорта. Все больше меня одолевало раздражение и какое-то тупое, ноющее чувство досады.

– Подохну тут... Ради чего все это было вообще, могла бы давно валяться дома на диване, мирно и тихо наевшись таблеток... – я с трудом сделала вдох, едва не подавившись стылым воздухом, неугомонный ветер постоянно сбивал дыхание. – Ну, зато умру на природе... Так сказать, не ищу легких путей... Оригинальный и творческий подход...

Я сделала еще несколько шагов вперед, невероятным усилием снова и снова переставляя свои увязающие в снегу, ооченевшие ноги. В моем сознании вспыхнула печальная картина: вот я, наконец, падаю без сил, жизнь покидает мое

измотанное тело. Затем снегопады плотным белым одеялом укрывают мой безжизненный труп.

Когда меня найдут?.. Быть может, пройдет несколько месяцев прежде, чем кому-либо придет в голову искать меня здесь. Или кто-то наткнется на мои останки весной, отправившись в лес за ягодами или грибами.

– По крайней мере, к тому моменту моя одежда успеет разложиться до последней нитки, и никто в интернете не станет оставлять язвительные комментарии в новостной ленте... Отправиться на север в разгар зимы без шапки, снаряжения и в порванных джинсах – это гарантия прославиться.

Приблизительно через полчаса трасса полностью скрылась где-то позади, затерялась за бесконечными темно-зелеными соснами, обступившими меня со всех сторон. Небо над ними становилось все темнее с каждой минутой, и меня начал одолевать тоскливый предсмертный страх. Да, еще вчера я хотела умереть, я была готова, но... Совсем другое дело, когда это происходит вот так!

В полном одиночестве, в незнакомой глуши, под покрывалом наступающей жутко морозной ночи... Здесь нет привычного монотонного голоса диктора, который всегда сопровождал мои одинокие вечера в гостинной. Нет унылых стен, которые я так возненавидела, едва переехав в квартиру, но которые мне сейчас показались даже уютными и по-домашнему привлекательными. Наверное, дома умирать все же было бы веселее.

Я уже и не думала о том, что смогу добраться до подножия горы. Сейчас мне было совершенно очевидно, что мое путешествие окончится, так и не начавшись. Прямо здесь, этой же ночью. Не было ни единого шанса, ни малейшего лучика надежды. Как здесь выжить? Как скоротать ночь, не имея даже спичек или зажигалки, чтобы распалить костер? Каким образом сохранять тепло в минусовую температуру, если на тебе всего лишь синтетический нелепый свитер с оленями, осенняя тонкая парка и зауженные порванные джинсы?

Когда я выходила из автобуса, кто-то из пассажиров обмолвился, что сегодня ночью температура опустится до двадцати градусов ниже нуля... Я бы не выжила даже в том случае, если бы было градусов на десять-пятнадцать теплее.

У меня оставался совсем небольшой шанс – прямо сейчас повернуть назад, как можно быстрее вернуться к трассе. Пока еще не слишком темно, пока я могу хоть что-то разобрать в стремительно сгущающемся морозе соснового леса.

Но почему-то это мне казалось еще большим абсурдом, чем уперто продолжать свой путь дальше, погружаясь все глубже в бескрайний океан из безжизненных деревьев. Вернуться куда?..

Я прилечу назад, в свою съемную двушку. Выпью кофе, приму душ, отопреюсь. Наверное, включу телевизор по привычке. А что потом? Для меня там жизни больше нет. И делать мне в этом городе совершенно нечего. Может, я ху-

до-бедно протяну еще пару недель. Или месяцев. Но это лишь отсрочит то, что должно произойти сегодня. Зачем?..

Непроглядная темнота обрушилась неожиданно и резко. Минуту назад еще были влажные сумерки, где можно было с усилием различить очертания соседних деревьев и заснеженных кочек, а уже сейчас мрак стал густым, черным, всепоглощающим. Идти дальше было невозможно.

Я буквально свалилась грудой под какой-то пень, мягко погрязнув в снежной перине.

— Мудрый медведь и суетливый олень однажды бродили по лесу...

Мне стало очень страшно. Кажется, этот страх даже забил все остальные мои чувства и ощущения. Настолько, что сам холод на какое-то время перестал меня донимать, и я лишь болезненно и напряженно прислушивалась к звукам черного леса.

Где-то высоко над головой похрустывали ветки, должно быть, под тяжестью налипшего на них снега. Внизу между голых стволов сосен завывали порывы ветра. Меня с головой поглотило жуткое, беспросветное уныние.

— Бродили они, бродили...

Я всеми силами старалась отвлечься, сконцентрироваться на чем-то ином. Нужно вспомнить мудрую притчу племени маталларов. Нет ничего более успокаивающего, чем добрая детская сказка. Особенно, рассказанная вслух в таком ужасающем месте.

— И наткнулись на хижину, в которой жил лесной дух...

Я отчаянно ругнулась в пустоту. Эту притчу я читала очень, очень давно. И совсем забыла о том, что в мою память она врезалась не потому, что была хорошей и поучительной. А потому, что впервые заставила ощутить мистический трепет, настоящий суеверный ужас. И сейчас, когда образы этой полузабытой древней легенды, прочитанной мною на пожелтевших страницах детской книжонки, ярко вспыхнули и вновь ожили перед моими глазами, я в полной мере осознала свою роковую ошибку.

...Вот медлительный медведь и прыткий олень поднимаются по кривым, скрипучим ступенькам, отворяют дверь покосившейся хижины...

Внутри совсем пусто, и лишь на стенах висят странные фигурки лесных зверей. Они сделаны из травы и веточек, а на голове у каждой красная нить, за которую они к стене и подвешены. Одни фигурки висят, а другие, без ниточки, валяются внизу, на поросшем мхом корявом дощатом полу.

Олень первым бросается к этим жутким куклам. Глядит — а там и его фигурка есть. Висит с красной ниточкой. И медведь там тоже есть. И заяц, и филин... И все-все жители этого леса. Станным и любопытным показалось это оленю. Решил он свою фигурку снять и рассмотреть поближе, узнать в чем тут секрет. Тянется за ней, а медведь его останавливает, просит не спешить. Не кажется ему хорошим делом совать свой нос в дела духов. Опасливо он косится на фигурки,

просит оленя последовать за ним и уйти прочь.

Но легкомысленный олень не внимает наставлениям, уж слишком он любопытный, а потому хватает свою фигурку, снимает со стены, и вдруг падает замертво на пол. А рядом падает и его кукла из веточек и травы...

Середину и концовку этой душещипательной легенды так детально вспомнить мне не удалось, и лишь фраза «Вот почему медведь мудрый и живет долго» всколыхнулась в моей памяти.

Живет медведь долго, потому что не суется, куда не следует. Чего не скажешь обо мне.

И как будто этого было мало, следом на меня обрушилось еще одно воспоминание. Когда моя дочь родилась, я повязала ей и себе на руку красную нить. Таинственный символ жизни, как и в маталларской легенде, и я свято верила, что она защитит меня и моего ребенка от зла и беды.

И в день, когда я вернулась домой после похорон и снимала в прихожей свое пальто, нить на моем запястье неожиданно разорвалась и мягко приземлилась на кафельный пол. Столь символический, недобрый знак, о котором я почему-то совсем забыла... Глупый, опрометчивый олень!

А пока в моей голове сгустился черный мрак жуткой потусторонней тоски, вокруг меня темнота становилась еще более непроницаемой. Это невозможно выразить словами или объяснить логически, но такой темноты в городе просто не существует и никогда не бывает.

Я впервые переживала настолько всепоглощающую ночь. Мне даже на ум не приходило, что тьма может обретать такую форму. Она словно была каким-то живым существом, имеющим плоть, объем и даже текстуру. Ее практически можно было потрогать рукой, вдохнуть в себя вместе с морозным воздухом.

И мне внезапно подумалось, что даже если бы я могла сейчас распалить костер, то это, наверное, было бы еще хуже. Потому что на контрастном фоне живого и яркого пламени я бы смогла воочию лицезреть всю степень этой чудовищной черноты, что окружала меня со всех сторон.

Глава 2

«Затерянное убежище»

Я не помню, как провалилась в состояние полного забытья. Я сидела в крошечной тьме посреди ледяного леса, затем произошел какой-то провал, словно кто-то нажал на тумблер и отключил мое сознание. Очнулась я уже от того, что кто-то настойчиво пинал меня носком ботинка в живот.

– Эй! Э-э-эй! Ты померла, что ли?

Я с огромным трудом приоткрыла глаза. Вокруг была ночь, но где-то над моей головой качался и поблескивал робкий желтый свет фонаря. Внезапно он направился прямо в мое лицо, зрачки резко и болезненно сжались, я тихо ойкнула и зажмурилась изо всех сил.

– Ты либо умирай, либо приходи в себя. Мне надоело здесь торчать, – прогремел в ушах хриловатый мужской бас.

Этот бас мне не понравился сразу. Такой наглый, своеправный. Знаете, есть такие люди, чей дурной характер сквозит даже в интонации их голоса. Тот самый случай!

Я не могла говорить, видимо, холодное оцепенение лишило меня последних сил. Лишь промычала нечто невнятное в ответ, давая понять своему неожиданному собеседнику, что умирать бы мне не особо хотелось.

– Встать-то можешь?

Мужчина снова ткнул меня носком ботинка. По всей видимости, иначе обращаться с женщинами он не умел, потому что ему и в голову не пришло подать мне руку или помочь подняться с заледеневшей земли.

Напротив, когда я, собрав всю волю в кулак, кое-как смог-ла расправить окоченевшие ноги и вяло на них подняться, он вдруг отступил на шаг, а затем вновь посветил своим фонариком мне прямо в глаза.

– Может, ты все же прекратишь слепить меня?

Мой голос прозвучал неестественно сипло, а в конце фраза оборвалась, потому что меня начал душить сухой кашель.

Я стояла, полусогнутая, практически не владея своим телом. Кажется, холода я не ощущала, потому что все мои клетки разом потеряли чувствительность. Ноги и руки стали совершенно ватными, не слушались меня. Дышать было тяжело и больно, как будто в легких плескалась раскаленная лава.

Мужчина присвистнул:

– Ты откуда свалилась?

Его ужасная провинциальная манера растягивать гласные звуки с первой же секунды знакомства начала меня раздражать. Он был высокий и широкоплечий, я бы даже сказала – типичный амбал. Коротко стриженный, но с довольно длинной бородой, которая была на несколько тонов светлее волос, растущих на его голове. И это меня тоже раздражало.

Сейчас на этой кошмарной бороде белели крупные хлопья снега.

– С юга.

– А здесь что забыла?

Нет, это уже начинало переходить все границы допустимого и все рамки приличия! Он не подумал спросить, как я себя чувствую и не нужна ли мне помощь, он лишь с интересом и мещанской пристальностью пялился на меня, все так же сохраняя дистанцию.

– Отдыхать приехала, – с нескрываемой злостью выпалила я.

Он окатил меня взглядом сверху вниз, на мгновение задержав его где-то в области моих дырявых джинсов, а потом громко хмыкнул.

– Я бы предложил тебе помощь, но мне кажется, что тебе нужна помощь совсем другого рода.

Мне стоило больших усилий обуздать свое раздражение и закипающий внутри гнев, ведь я понимала, что если как-либо задену чувствительную душу этого деревенщины, то он попросту уйдет и бросит меня здесь. И тогда я непременно скончаюсь.

– Пожалуйста, помоги мне...

Колени начинали дрожать. Сейчас мое тело напоминало неловко состряпанную марионетку, которая тряслась и ходила ходуном, грозя расшатать свои хлипкие шарниры.

Несколько секунд мужчина молча и пристально изучал

мое лицо. Я уже всерьез начала беспокоиться. Сейчас он просто повернется и оставит меня тут.

– Ладно, иди за мной, – великодушно согласился он, затем развернулся и стал продираться через лес.

Я думала лишь о том, что должна как можно скорее следовать за ним, чтобы не отстать и не потеряться. Что-то подсказывало мне, что искать он меня бы не стал и вряд ли бы вернулся.

Но путь наш оказался гораздо короче, чем я предполагала. Уже спустя пару минут мы неожиданно уперлись в бревенчатую стену какой-то хижины. Мужчина поднялся на узкое крыльцо, громко потопал ногами, сбивая с сапог снег, а затем отворил скрипучую дверь и вошел внутрь.

Я огляделась по сторонам. Что сказать... жутковатое местечко! Вокруг снег да сосны, ни души. Кто знает, что ждет меня внутри этой хижины? И кем вообще является мой нерадивый спаситель?

Может быть, он какой-то сумасшедший отшельник. Или даже людоед? Или скрывающийся преступник?..

Но, как бы там ни было – выбора у меня не было никакого. Остаться в лесу и умереть, либо же рискнуть и заночевать в хижине, уповав на милость господню...

Внутри было светло и тепло. Весело полыхал огонь в камине, за хрустом пожирая огромные поленья. Приятно пахло едой... Я вспомнила, что ничего сегодня не ела.

Спаситель успел уже снять с себя безразмерный тулуп

и разуться. Сейчас он стоял лишь в толстых темно-серых штанах и шерстяном свитере, который натянулся в плечах и на ребрах мужчины до такой степени, что грозился лопнуть по швам.

Он сложил руки на груди и внимательно за мной наблюдал.

– Пошевеливайся, плотно закрой дверь. Выпустишь все тепло из избы, потом пойдешь в сарай за дровами.

– А сарай далеко? – Непонятно зачем спросила я, с усилием запирая за собой дверь.

– Нету сарая.

– Что?

Мужчина отмахнулся от меня, словно от назойливой мухи. Я успела заметить, что у него были темно-серые глаза, прямой широкий нос и обветренные пухлые губы. В целом, он мог бы показаться довольно привлекательным, если бы не его ужасные манеры. Он словно являлся живым воплощением всего того, что я терпеть не могла в мужчинах: грубый, неотесанный, бестактный, эгоистичный... Я могла бы продолжать этот список до бесконечности.

Мне показалось, что он был ненамного старше меня. Ну, может лет на пять-шесть. Не более.

– Есть хочешь? – Спросил он вдруг, с явно неодобрительным видом рассматривая мои худые посиневшие ноги.

– Конечно!

– Так приготовь.

Он уселся на табурет у камина, вытянув вперед стопы в толстых вязаных носках. Несколько мгновений я раздумывала над тем, что ему сказать в ответ, но затем просто вздохнула и принялась выяснять, где и что здесь лежит.

Овощи я увидела сразу, они мирно возлежали в мешках рядом с камином. Посуда скромно пристроилась сверху на массивной деревянной полке.

– А что готовить?.. Вода в доме есть?

Мужчина снова молча отмахнулся. Он с крайне важным видом продолжал восседать на своем табурете, то почесывая бороду, то ковыряя мизинцем у себя в ухе. Казалось, эти занятия всецело поглотили все его естество.

Я быстро начистила и нарезала картофель. На скорую руку сделала поджарку из большой золотистой луковицы, добавила в нее немного сушеных грибов, найденных в одной из самодельных кухонных тумбочек. А затем забросила все это в огромный почерневший казан и подвесила его на крюк, поблескивавший над пламенем камина.

– Я Тамара, кстати.

Котелок заодно кипел и громко шипел на огне, а тем временем я решила присесть на второй табурет, стоявший неподалеку от моего молчаливого спасителя.

Он на секунду поднял глаза, без какого-либо интереса скользнул взглядом по моему лицу и вновь вернулся к аутичному подергиванию собственной бороды.

Я поняла, что ответа ждать не стоит, разочарованно вы-

дохнула и шагнула к табурету.

– Ножки нет, – неожиданно буркнул мужчина, все так же глядя куда-то в сторону.

– Что?

Свой вопрос я произносила уже в полете, срываясь на визг. Моя филейная часть внезапно начала проваливаться куда-то в пустоту, табурет с грохотом улетел в сторону. Падая, я успела схватиться за край стола, развернуть туловище в бок, и теперь я летела прямоком на своего угрюмого спасителя, выставив вперед обе руки.

Мужчина среагировал мгновенно. Он резво уперся пятками в дощатый пол и отъехал на шаг назад вместе с табуретом. Я больно ударилась коленями о пол, а затем начала заваливаться вперед. Мое падение, наконец, завершилось.

Я стояла на коленях, которые саднили и ныли от сильного удара, руками я крепко ухватилась за плечи мужчины, а тот невозмутимо смотрел на меня сверху вниз, и в его взгляде сквозило что-то неодобрительное.

– Ты начинаешь меня раздражать, – глухо выдал он.

Затем одним рывком разжал мои пальцы, и развел обе руки в стороны.

Давясь тихим возмущением, я молча поднялась на ноги, доковыляла к большому жестяному тазу, из которого несколько минут назад черпала воду для овощей. Наспех обмыла разбитые колени и обиженно замерла в противоположном углу хижины.

«Пусть сам готовит дальше. Не хочу я есть. Ничего не хочу. Дождусь утра и уйду отсюда, как только хотя бы немного рассветет...»

Я была зла, как никогда. Уставшая, замерзшая, голодная, едва как оставшаяся в живых. Мои силы были на грани истощения, а про моральную сторону своего состояния на тот момент и говорить не нужно было.

Пока я обиженно и злобно сопела, стоя у деревянной стены, мужчина равнодушно продолжал возвышаться на табурете. Я демонстративно отвернулась и принялась изучать глазами содержимое многоярусной полки над изголовьем высокой кровати, что пестрела своим лоскутным одеялом неподалеку.

Ну надо же! С неподдельным изумлением я прочла знакомые названия классической прозы на корешках потрепанных книг. Лучшие поэтические сборники, увесистые томики научной литературы... Здесь были и те книги, которые я пока что не решалась открыть даже для себя... Кто же это все читает?

– Прекрасная библиотека. Чья она?

Я решила нарушить гробовое молчание, царившее в избе. Что толку таить злобу на таких людей, как он? Все равно они слишком толстокожие, непрошибаемые и недоразвитые, чтобы осознать собственную невоспитанность и убогость.

Но мой угрюмый спаситель продолжал игнорировать мое присутствие. Я с невольной досадой поглядывала в его сто-

рону, стараясь сдержать подступавшее раздражение, и только спустя несколько минут я сделала воистину ошеломляющее открытие... Рядом с подборкой книг скромно поблескивали в тусклом освещении грамоты и дипломы, а на некоторых из них... Нет! Это же просто смешно!

В центре щедро осыпанного позолотой сертификата маячило улыбающееся лицо неприветливого ныне хозяина хижины! Неудивительно, что я не сразу узнала его. Гладко выбритый, с искрящимися добротой глазами и широкой улыбкой...

Я осторожно обернулась и как бы невзначай посмотрела на него, чтобы обнаружить, что же еще ускользнуло от моего пытливого взгляда, и в чем именно он успел заметно подурнеть. Мужчина внезапно поднял глаза и окатил меня ответным взглядом.

– Смотрю, ты прежде был значимой фигурой, – с нескрываемой издевкой проговорила я.

Вот только сейчас смешно мне совсем не было. Мужчина вынул кончик мизинца из своего уха, с озабоченным видом изучил его, а затем резко гаркнул:

– Что значит был?

– Ну, я имею ввиду... Сейчас ты живешь здесь, в этой глуши. Наверное, у тебя настали не лучшие времена.

– Я всегда жил в глуши, я исследователь. Это моя работа. Он внезапно выпрямил спину, с некоторой долей гордости подбоченился и важно раздул ноздри. Мне едва удалось

сдержатъ смех, но все же один писклявый и предательский смешок вылетел наружу.

Исследователь-спаситель тут же нахмурился до такой степени, что в моей голове мгновенно сам собой образовался термин «максимальное сближение межбровных дуг». Если выживу и вернусь домой, то обязательно внесу это словосочетание в Википедию, снабдив фотографией этого амбала.

– Ты начинаешь меня раздражать, – сердито просипел он, а затем тут же неожиданно впал в состояние полного равнодушия, вернув мизинец в свое ухо.

– Ты говорил уже.

Разговор прервался, так и не начавшись. Мне оставалось только заняться ужином. Я вернулась в самопровозглашенный кухонный уголок, худо-бедно накрыла на стол, а затем из чистой вежливости позвала хозяина дома ужинать.

Когда он, наевшись и откинувшись спиной о бревно избы, устало вытянул голые ноги вперед (и когда успел стащить носки?), то я помимо воли заметила, какие длинные и широкие у него ступни. Эта мысль зацепилась за другую, и тут понеслось!.. Долгое время без мужчины дало о себе знать.

Хотя, справедливости ради отмечу, что ноги у него были страшно волосатые, будто кто-то извалял их в рыжей шерсти. А ногти на ногах и вовсе имели какой-то нездоровый, коричневатый оттенок, как когти у животного.

От разглядывания уродливых ног меня отвлек их хозяин. Он с недовольным видом убрал стопы под табурет, затем

на пару секунд замешкался, встал и выдал:

– Спать пора. Я сплю на кровати. Хочешь – ложись со мной. Не хочешь – стели себе на полу.

– Мне бы не очень хотелось...

– Я на самок вроде тебя никогда бы не позарился, – вдруг резко оборвал он.

Я обиженно затихла. Вообще, я и не собиралась поднимать этот вопрос. Если на то пошло, то перспектива провести ночь рядом с горячим амбалом меня даже не пугала, я собиралась сказать, что мне бы не хотелось ложиться в постель, не приняв душ.

Но после его грубого замечания я твердо решила, что никогда в жизни не позволю ему к себе прикасаться. Никогда! Даже если он останется последней особью мужского рода на планете!..

...Спустя пару часов я напряженно возлежала на кровати, стараясь унять дрожь и, наконец, вырубиться. Так и не назвавший себя спаситель (а я резко потеряла всякий интерес выискивать его имя на грамотах) уже с полчаса бодро похрапывал.

В едва различимом свете луны, пробивавшемся в мутное окно, его крепкий торс, обтянутый тонкой бельевой майкой, казался еще массивнее. И, не знаю... Привлекательнее, что ли. Я словила себя на непотребных мыслях, шепотом выругала, и вновь попыталась уснуть. Мне было то жарко, то холодно. Я укутывалась одеялом до самой шеи, а затем ски-

дывала его с себя. И как бы невзначай вминалась то бедрами, то грудью в своего спасителя.

– Спи уже. Пока не выставил за двери, – сонно пробурчал он, когда в очередной раз моя костлявая коленка уперлась в самый низ его живота.

А затем неприветливый хозяин лесной хижины перевернулся на другой бок, оставив меня почему-то страшно раздосадованной и обиженной на весь мир.

«Даже не попытался меня соблазнить. Сидит тут один, в лесу, без женщин и развлечений. Может уже как пару лет... А то и все пять... Все ясно с ним».

Я с удовлетворением окрестила в своих мыслях нерадивого спасителя гомосексуалистом, а затем, отомщенная и довольная, начала погружаться в оковы сна.

Глава 3

«Никто не придет тебя спасти»

В мое замутненное сознание ворвался грубый мужской голос.

...Я стояла на краю какого-то чудовищного обрыва, вокруг замер морозный сумрак. В лицо хлестал мокрый снег, кожу жгло от холода, было тяжело дышать...

– Ты меня слышишь?

Я обернулась. Огромный бурый медведь в нескольких метрах позади меня грозно махал передними лапами. На его взмокшую шерсть налипли хлопья снега.

«Прыгнуть в пропасть или быть растерзанной медведем?»

Почему-то мне не было страшно, я ощущала лишь смертельную, сильную усталость. Что быстрее убьет меня? Хотелось покончить со всем этим как можно скорее.

Я нагнулась вперед и заглянула в крошечный мрак пропасти под своими ногами. Снег белел и исчезал внизу, словно пожираемый чем-то незримым. Я снова обернулась и посмотрела назад. Медведь стоял на том же месте, рыча и размахивая лапами. В бледном свете когти его казались металлическими, белые зубы торчали из разинутой пасти. Теперь он показался мне еще больше.

Я развернулась и шагнула к нему навстречу. Всего пара

шагов, и вот я уже прямо у его мохнатых, здоровенных лап.

– Ты слышишь?

...Как будто кто-то вызвал ко мне откуда-то издалека, сквозь эту непроницаемую выюгу. Но мне было все равно. Последний шаг.

Я падала прямо в медвежьи лапы. Мои ключицы уперлись в густую замерзшую шерсть, я даже ощутила биение огромного звериного сердца под его шкурой. Медведь взмахнул лапами изо всех сил...

– Отвали, я тебе сказал.

Я открыла глаза. Рядом на подушке светлела голова мужчины. Лицо его было раздраженным и даже немного озлобленным. Его колючая длинная борода впилась в мои щеки, нос и подбородок. Обеими ногами и руками я крепко обхватила его торс. Он силился высвободиться, но я держалась словно приклеенная.

– Проваливай.

Голос его звучал низко, хрипло и сердито, как будто медведь из моего сна внезапно перенесся в реальный мир. Я ослабила конечности. Мужчина с облегчением выдохнул, расправив плечи. Судя по всему, в порыве своих ночных кошмаров я впилась в него судорожным комком, разбудив его и прилично испугав.

Сейчас он смотрел прямо в мои глаза, все еще сонный, взлохмаченный. И как будто даже немного симпатичный. Но мои зародившиеся приятные впечатления тут же раство-

рились в предраассветном воздухе хижины, когда он одним рывком отбросил меня от себя, шумно выдохнув.

– Нужно было постелить тебе на полу.

– Извини...

Диалог снова не заладился. Я чувствовала себя совершенно разбитой. Ночной сон не принес никакого облегчения, мои мускулы ныли и болели после вчерашнего потрясения и непривычной ходьбы по сугробам.

На пару мгновений мне стало очень одиноко, тоскливо и горько. Я даже подумала, что могла бы сейчас снова ринуться к своему спасителю, вновь обхватив его всеми конечностями, уткнуться в него лицом и рыдать часами напролет, орошая его бороду. Но ему бы это почти наверняка не понравилось.

Я поднялась с теплой постели, подавив желание разрыдаться. За окном уже светало, хорошо были заметны вечно-зеленые кроны ненавистных елей. Снег перестал.

– Знаешь... Лучше бы ты меня не спасал... Вот правда...

Я отвернулась и стала одеваться. За спиной у меня все это время было тихо, я даже подумала, что мой неприветливый спаситель снова уснул. Нужно было решить, что мне делать дальше. Куда идти? Дома делать больше нечего...

– Я и не собирался, – неожиданно прогремел сиплый бас. – Я должен был покинуть хижину еще вчера утром, но снегопад вынудил меня отложить свои дела.

– Какое длинное предложение. Bravo!

Я не смогла сдержать раздражения, тупой ярости, что клокотала внутри. Кажется, этот человек просто оказался не в том месте и не в то время. И я словно подсознательно решила сделать его объектом для всей той ненависти, что накопилась внутри меня после похорон дочери.

– Приготовь завтрак и собери свои вещи. Я уйду через час.

Он встал с постели, потянулся и выпрямил обе руки в стороны.

«И правда, как медведь...»

– Слушаюсь и повинуюсь.

Я отвесила театральный поклон, а затем побрела к столу. Пока я отваривала картофель и тушила мясо в казане, мужчина спешно паковал свое барахло в большой, просто невероятных размеров рюкзак.

– Навсегда уходишь? – Не удержалась я.

Он немного повернул голову, окинув меня хмурым взглядом из-за плеча:

– Как сложится.

– А куда?

– Не много ли вопросов?

– Мне просто интересно.

– На работу.

– А-а-а-а... Да, ты же у нас этот... Ученый! Уважаемый в науке человек.

Я злобно хихикнула, и смешок получился до того едким

и противным, что удивил даже меня саму.

– Сумасшедшая и неблагодарная самка.

Мужчина отвернулся и продолжил набивать свой рюкзак.

– Неблагодарная? – Удивленно переспросила я.

– Именно. Если бы не счастливый случай и не я, то тебя бы уже не было в живых.

– Может, я и не хотела быть спасенной. Может, я за тем сюда и пришла. – Высокомерно парировала я, сложив руки на груди.

Сейчас он бесил меня даже больше, чем вчера. Что он возомнил о себе? Настоящий рыцарь и спаситель, словно герой из дешевого боевика! Он просто оказался в подходящем месте и в подходящий момент. И не более того.

– Тогда можешь отправляться обратно. Больше тебя вытаскивать из сугроба будет некому.

– Я не знаю даже, смогу ли я забыть нашу душещипательную встречу. Кажется, у меня остались на ребрах следы от твоего ботинка. Мой благородный кавалер, могу ли я отплатить тебе за свое внезапное спасение?

– Собирай вещи.

Голос его звучал ровно и привычно, но мне показалось, что я уловила новые, странные и до этого момента незнакомые мне нотки. Может, он тоже терпеть меня не может с первой же секунды встречи?

– Как скажешь.

Я отошла от стола, так и не притронувшись к еде. На-

спех оделась, побросала в свою тощую сумку немногочисленные пожитки, пригладила волосы... Ну и куда мне идти теперь? Вернуться к трассе? Или продолжать продираться через дебри леса, чтобы уж точно замерзнуть насмерть в следуюшую же ночь?

Мужчина, наконец, закончил свои сборы. Он надел на себя толстые, практически пуленепробиваемые штаны, черный вязаный свитер, а поверх него – широкую и длинную куртку. Накинул на одно плечо лямку рюкзака, немного присел, перенес его вес на спину, затем продел руку во вторую.

– Я могу отвезти тебя к трассе, – словно через силу выдавил он.

Я поняла, что ему этого совсем не хотелось. Видимо, зачатки воспитания все же плескались где-то глубоко в его мозгу, под коротко стриженными волосами.

– Как мило.

Я не знала, стоило ли мне соглашаться. Допустим, отвезет он меня, а что дальше? Я и сама могу дойти до трассы, если захочу. Снег больше не валил с неба, ветер не завывал в верхушках сосен и елок.

– Ну, так?

– А далеко ли до горы Маталлар? – Внезапно выпалила я.

А почему бы и нет? Может быть, он подскажет мне, как быстро добраться в те края. Выглядит он достаточно одичалым для того, чтоб успеть досконально изучить здешние места.

– На кой черт тебе понадобился Маталлар?

Спаситель выглядел опешившим. Он разинул рот, приоткрыв большие красноватые губы, а его темно-серые глаза заметно округлились.

– Дела у меня там есть, – многозначительно ответила я.

– Какие, к черту, дела?

Он все смотрел мне в лицо, прямо в глаза. Мне стало неуютно. Какая ему вообще разница? Как будто только у него могут быть дела! И почему я вообще должна отчитываться перед этим бородатым амбалом?

– Не суй нос не в свой вопрос.

Я задрала голову повыше, демонстрируя максимальное презрение к своему собеседнику. И на всякий случай отступила на шаг назад, если вдруг мое поведение заденет его чувствительную деревенскую натуру. Ну, чтобы успеть убежать за дверь.

Мужчина присвистнул. Он вдруг присел на краешек кровати, вытянув ноги вперед. А потом громко засмеялся. Какой же у него был омерзительный смех!

– Что смешного?

Он не отвечал, а только с ухмылкой продолжал на меня пялиться.

– Что тебя так веселит, я спрашиваю?

Кажется, мой голос прозвучал неожиданно резко и зло. Спаситель удивленно вздернул брови ко лбу, а потом снова засмеялся.

– До свидания. Спасибо за гостеприимство.

Я решила прервать этот театр абсурда. Нет смысла задерживаться в хижине горного простака, возомнившего себя великим деятелем науки. Пора убираться и идти своей дорогой.

Когда я резво юркнула в дверной проем, за моей спиной протяжно и уныло скрипнула дверь. Я бежала со всех ног по лесной чаще. Настолько быстро, насколько позволяли высокие сугробы. Сердце колотилось в груди, было тяжело дышать. Я мгновенно устала и выбилась из сил, но не замедлилась.

Уже через каких-то пару минут хижина моего спасителя скрылась где-то за спиной, увязнув в объятиях заснеженных деревьев. А я все бежала вперед, проваливаясь в снег, задыхаясь и глотая воздух, словно выброшенный на берег синий кит.

Не знаю, сколько длилось это безумие, но вскоре я очутилась на покрытой снегом трассе. На небе поднялось тусклое, вылинявшее солнце. Иней на проводах над моей головой задорно поблескивал и искрился.

Я кое-как отдышалась, а затем медленно побрела вперед. После бега с препятствиями мне все еще было жарко, так что мороз не беспокоил мое тело, и даже голые ноги, стыдливо высовывавшиеся из-под прорезей джинсов, не успели окоченеть.

Через минут десять справа замаячила заправка. Придо-

рожное кафе под ее крышей приветливо манило своими огоньками и красочной вывеской. Я поняла, что чертовски проголодалась.

В кофейне было пусто, тихо и тепло. Я купила себе большую чашку эспрессо, шоколадный пончик и сэндвич с сыром. Села у окна, со вздохом облегчения вытянула промокшие ноги под столом. Конечно, мои стопы оказались по щиколотку в снегу практически сразу, как я выбежала из хижины. И теперь в ботинках противно хлюпала вода.

Я слушала негромкую музыку, доносящуюся из колонок над моей головой, где-то сбоку звякал стаканами молодой бармен. Я уже доела свой завтрак и допила кофе, когда к заправке подкатил большой черный внедорожник. Несколько секунд я бездумно таращилась на него, а затем отвернулась, вперившись взглядом в пустую чашку.

Что же мне теперь делать?.. Я не хочу возвращаться домой. Только не это, нет!

– Привет.

Я вздрогнула. Сверху над моей головой мелькнула тень, а затем на пустующее место напротив свалился... Господи, да! Это был он.

– Что... Какого...

– Ты так и не сказала, зачем тебе в Маталлар.

Он спокойно, как ни в чем не бывало, прихлебывал кофе из чашки, восседая за столом. Его длинные ноги не уместались под столешницей, так что он раздвинул их и вытянул

вперед, опираясь коленями в мои бедра.

– Ты что, следил за мной? – Прошипела я.

Возмущение сдавило мою грудь, я снова ощутила прилив всепоглощающей ненависти и раздражения. Мне захотелось вырвать чашку из его рук, а затем выплеснуть содержимое прямо в его невозмутимое лицо.

– Я видел, как ты бегала по лесу. Не хотел тебя отвлекать, ехал рядом по дороге, что за деревьями.

– Зачем?

Он прикусил нижнюю губу и задумчиво глянул в окно:

– Мне кажется, тебе нужна помощь.

– Серьезно? – Я театрально закатила глаза. – А тебе какое дело до этого?

– Я еду в Маталлар.

– Зачем? – Удивленно воскликнула я.

– Кажется, мы ходим по кругу.

Он посмотрел мне в глаза, но уже совсем по-другому. То ли с жалостью, то ли с пониманием... Это заставило меня ощутить какой-то странный дискомфорт. Поддавшись этому оцепенению, я невольно напряглась всем телом. Мои ноги под столом вплотную уперлись в его колени.

– Прекрати.

Он выпрямил колени, хмуро взглянув на меня из-под сдвинутых бровей. А вот и мой старый добрый спаситель! Я уже успела заскучать. Неужели он думает, что я посягаю на его волосатое тело? Или он тщательно оберегает свою

невинность, специально перебравшись подальше от мирской суеты и соблазнов?

– Что ты там забыл?

Наша манера общения пошла по накатанному, хорошо знакомому сценарию. Удивительно, как всего за один-единственный день можно изучить человека. Меня не покидало ощущение, что мы с ним были знакомы, по меньшей мере, лет сто.

– Я еду по работе. А что ты там делать будешь?

Что я могла ответить? Я и сама не понимала до конца, зачем мне туда ехать и что я там собираюсь искать.

– Отвезешь меня? – Я умилительно захлопала глазами.

Ну, по крайней мере, мне так показалось. Спаситель тяжело вздохнул. Наверное, моя обольстительность на него совсем не действовала. Но затем он внезапно кивнул головой.

– Не бесплатно.

– Что-о-о?

От его наглости даже дух захватывало. Сам навязался, притащился сюда, уселся рядом, а потом просит денег за то, чтоб отвезти меня туда, куда он сам итак едет?

– Туда на машине не добраться. Только пешком. При хорошей погоде путь займет около трех дней. Я хочу получить что-то взамен за то, что буду вынужден терпеть присутствие неадекватного попутчика.

– Например?

Бармен за стойкой внезапно обронил что-то на пол. Мы

оба обернулись и уставились на него. Мой неотесанный спаситель собирался что-то было сказать, но неожиданно передумал и бросил:

– Рассчитаемся, когда доберемся.

Я прикусила губу, чтобы не начать оскорблять его. Что толку? Пусть получит свои деньги. Плевать! Даже если загнет нереальную цену. Возьму кредит, выплачу ему наличными... А потом пойду и повешусь.

Я молча кивнула в ответ. Он поднялся на ноги. Жестом указал следовать за ним, а потом покинул кафе. Пару секунд я все еще продолжала сидеть на месте, пытаясь переварить все случившееся со мной за последние пару дней. И этот неожиданный, очень странный разговор.

А затем встала из-за стола и пошла к выходу. Я сама не понимала, куда и зачем я сейчас собираюсь следовать. Но что-то внутри толкало меня к этому. Объяснить словами такое просто невозможно.

– Что-то Кир сегодня очень разговорчив. Давно не видел его таким веселым. – Задорно подмигнул мне бармен, когда я проходила мимо него.

Очевидно, он принял меня за его подружку. Нелепость... Кир? Что за имя такое? Этот человек как будто был соткан из сплошного абсурда.

Глава 4

«Начало грандиозного пути»

– Нет, нет и еще раз нет! Нет!

Машина стояла на обочине оледенелой трассы, напротив небольшого, обветшалого снаружи супермаркета. Было пустынно и, кажется, кроме нас сюда сегодня никто еще не заглядывал. На заднем сидении внедорожника мирно лежал пакет с продуктами.

– Я не поведу тебя через горы в таком виде.

Я надула щеки и недовольно покосилась на стопку вещей, лежащих рядом. Мужчина стоял у распахнутой передней дверцы, терпеливо ожидая, когда я перестану оказывать сопротивление и начну переодеваться. Его нахмуренные брови привычно темнели где-то в области переносицы.

– Одевайся.

– Я уже одета. Нет, спасибо, – наотрез отказалась я.

Натянуть на себя его запасные вещи, эти лохмотья, которые, помимо всего прочего, были просто огромного размера? Вот уже полчаса мы вели этот бесконечный спор. Кир стоял у припаркованной машины, а я сидела внутри, скрестив руки на груди в знак своей непоколебимости и решительности.

– Снимай эти дырявые кальсоны и надевай нормальные

штаны.

– Нормальные?! – Неподдельно возмутилась я.

– Одевайся, – устало повторил спаситель. – Тебя никто не увидит, это последний отрезок пути, где есть люди.

Я насупилась еще больше. То ли мне просто хотелось поспорить с ним подольше, то ли я проверяла границы терпения своего спутника, но мне упорно не хотелось сдаваться. Но выбора не было. Я прекрасно понимала, что в своей одежде я далеко не уйду. Так что спустя пару минут я все же откинулась на спинку сидения, громко вздохнув.

Мужчина принял это, как безоговорочный сигнал капитуляции. Удовлетворенно хмыкнув, а затем захлопнув дверцу машины, он отвернулся, давая мне возможность спокойно переодеться. Я с легкой долей брезгливости схватила с верхушки стопки смятые толстые штаны. Они воистину выглядели устрашающе. Я снова громко вздохнула, постаравшись, чтобы это было слышно даже из закрытой машины.

– Поторапливайся, – грубо донеслось в ответ.

Делать нечего, придется напялить на себя этот ужас, имеющийся его одеждой. Я принялась снимать свои вещи. Специально задержалась, когда стягивала с себя свитер. А вдруг он обернется? Думаю, я неплохо сейчас выгляжу в лифчике, пусть я и далека от его упитанных идеалов. Но он так ни разу и не повернул головы. Стоял, развернувшись спиной, глядя куда-то вперед, в непроглядную полосу елового леса.

Я с нескрываемым раздражением надела на себя его свитер. Он мог бы вполне сойти за спальный мешок. Рукава пуловера оказались невероятно широкими, и теперь болтались чуть ли не до колен. В последнюю очередь я накинула на плечи его куртку.

– Я так никуда не пойду.

Я вышла из машины, обогнула ее и встала прямо напротив него. Брючины зимних штанов тоже были слишком длинными, и мне пришлось подвернуть их чуть ли не до колена.

– Там никого нет, кроме волков.

– Волков? – Встревоженно переспросила я.

– И медведей, – лаконично добавил Кир.

Я заволновалась. Медведи, волки... Что еще обитает в тех краях? На юге, откуда я приехала, самым суровым хищником считалась продавщица разливного пива на общественном пляже.

– И что, часто они нападают на людей? – Осторожно поинтересовалась я.

– Только если встречают их.

Я закатила глаза. Просто чудесно! Теперь мне нужно было опасаться не только своего сопровождающего, но и диких зверей.

Спустя минут двадцать мы покинули территорию с более-менее цивилизованным видом за окном. Вокруг нас сгрудились сосны, дорога стала ухабистой, глиняной. Внедорожник замедлил ход и осторожно продвигался по ней впе-

ред. Сугробы здесь были совсем свежими, не расчищенными. Видимо, сюда вообще никто не ездил.

– Все, приехали.

Мужчина остановил машину у тупика, где внезапно обрывалась заснеженная дорога. Дальше со всех сторон торчали только зеленые пики верхушек деревьев. Мы вышли из внедорожника, и спаситель вытащил из багажника свой рюкзак. А затем запер его на ключ, сунув тихо звенящую связку в карман куртки.

– Ты что, бросишь машину прямо тут?

– Ее некому угонять.

Он спокойно шагнул вперед, сошел с дороги и сразу по колено увяз в рыхлом снегу. Я послушно потопала следом.

– И долго мы будем так идти?

– Пока не стемнеет.

Мы брели по зарослям и продирались сквозь лес от силы полчаса. А я уже успела порядком устать.

– А ночевать мы где будем?

– В палатке.

– В палатке?

Почему-то о ночевке я подумала только сейчас. И с ужасом представила, каково будет проводить ночи в таких условиях. Под покровом ледяной пелены. В окружении голодных волков и медведей. Да еще и бок о бок с этим недоделанным лесничим.

– А как... Ну, мыться и все такое? – Со сбитым дыханием

поинтересовалась я.

Он обернулся на ходу, с каким-то презрением окатив меня взглядом своих наглых серых глаз, а затем отвернулся, так и не проронив ни слова. Ну, все ясно. Заботиться о личной гигиене в походе он явно не привык.

— Какая здесь может быть работа?

Я совсем вымоталась, и вскоре остановилась у ближайшего дерева, согнувшись пополам и упершись ладонями в свои колени. Мужчина продолжил идти вперед, а я спешно пыталась хотя бы немного отдышаться.

— Я вулканолог.

— А что, здесь разве есть вулканы?

— Маталлар, например.

Вот так новости, оказывается, это не просто гора, а самый настоящий вулкан... Надеюсь, что хотя бы спящий. Нужно будет поинтересоваться у этого самопровозглашенного специалиста, стоит ли мне включать еще и гору Маталлар в список потенциальных опасностей здешних мест.

Мы продирались через замерзший лес еще несколько часов. Я плелась позади, начиная тайно сожалеть о том, что не осталась в кафе. Но я упорно гнала эти мысли прочь. Все же, в этой одежде продвигаться через заснеженные дебри было гораздо удобнее. Резинки внизу штанов плотно прилегли к моим ботинкам, потому ноги и носки оставались совершенно сухими, а гладкая, не продуваемая ткань длинной куртки надежно защищала меня от мороза и холодного вет-

ра.

Как-то очень внезапно лес остался позади. Я с удивлением обнаружила, что мы стоим у подножия горного склона. Он плавно поднимался ввысь, а затем трансформировался в высокую, темно-серую скалу. На склонах и на верхушке искрились комья снега, они слепили глаза и отбрасывали вокруг странные светящиеся точки.

Я пыхтела, оттряхивая с коленей снег, а мужчина о чем-то размышлял, окидывая местность своим суровым взором.

– Что дальше?

– Будем идти в обход, здесь не пройти. Прямой путь отрезан вчерашним снегопадом.

– Да здесь же везде снег, – логично возразила я.

– У подножия каменистый грунт, а в нем есть неровности и карманы, упасть в которые мне бы не хотелось. Сейчас вся гряда завалена плотным слоем снега. Я не смогу определить, где под ним скрывается опасность.

Он еще раз огляделся по сторонам, щурясь от бликов, отбрасываемых солнечными лучами.

– Значит, поход затягивается?

Я с какой-то тихой тоской подумала о том, как скоро я смогу принять горячий душ или поспать в нормальной кровати. Должно быть, этот безумный поход будет самым большим испытанием в моей жизни.

– Ты куда-то торопишься? – С насмешкой произнес спаситель.

– Ну что ты. Я с радостью проведу рядом с тобой лишние пару дней, – язвительно парировала я.

В его лице вновь на мгновение промелькнуло что-то странное, когда он обернулся и бросил короткий взгляд куда-то поверх моей головы.

Признаюсь честно, если бы сейчас вокруг царила весна и сносная погода, то я бы, наверное, действительно не отказалась задержаться у горы подольше. Должно быть, в теплое время года здесь очень красиво. Летом у подножия наверняка раскидывается живописная зеленая поляна с дикими цветами, а вечнозеленый лес смотрится не так отталкивающе и сурово.

Но сейчас здесь царил холод и безжизненная серость. И задерживаться здесь, пусть и на один лишний день, мне бы совсем не хотелось.

– Рад это слышать. Путь в обход займет не меньше недели.

– Не-недели? Недели?!

У меня как будто что-то оборвалось внутри. Я в ужасе замерла на месте, пытаюсь прийти в себя. Стало жарко, показалось, что мне не хватает воздуха. Хотя здесь его было более, чем достаточно. Целую неделю продираться сквозь снег, с трудом переставляя ноги по сугробам, огибая горную грядку. Без горячей воды, без теплой постели, без всего! У меня начало темнеть в глазах.

«О господи, ну почему я не умерла ночью там в лесу?»

В носу предательски зашипало, пейзаж вокруг смазался.

Я стояла внизу серых скал, словно смешное и отвергнутое миром ничтожество, одинокое и беспомощное среди невыносимых условий здешнего края.

Я не могла вернуться, потому что я просто не нашла бы дороги назад, а мой суровый спаситель вряд ли согласился бы тратить на меня свое время. Я не сомневалась ни секунды, что не выдержу здесь и пары суток, о какой неделе могла идти речь? Я просто устану до такой степени, что упаду замертво в рыхлый снег. И мое тело останется здесь навечно.

Сейчас я ненавидела все, что могла разглядеть за колеблющейся пеленой своих отчаянных слез. Я ненавидела и эти горы, и бескрайние снежные поля, и оставшиеся позади темно-зеленые деревья. Но больше всего я ненавидела его, человека, который вынудил меня сейчас оказаться здесь. Который не оставил мне никакого выбора. Он без спроса и моего согласия заставил столкнуться с чем-то доселе мне неведомым, чем-то огромным и страшным. С тем, к чему я не была готова.

Я тихо роняла крупные слезы в сугроб, застыв на месте. Мужчина молча смотрел в мое лицо, хмурясь и спрятав руки в карманы куртки. Кажется, он и сам уже всерьез жалел о том, что взял меня с собой. Но мне было все равно. Плевать, что он думает сейчас обо мне, меня это волновало меньше всего на свете.

– Что ты здесь делаешь? – Внезапно спросил он.

Его глаза продолжали сверлить мое заплаканное, начинающее замерзать лицо. Его странный вопрос на секунду ошеломил меня, заставив прекратить рыдания. Я шмыгнула носом, стряхнула ладонью капли со своего подбородка.

– Что?

– Зачем ты приехала сюда?

Мне нечего было ответить. Да и зачем мне давать ответ на этот вопрос? Он явно считает меня сумасшедшей. Или, как минимум, странной. Что бы я не сказала ему сейчас, он просто решит, что я спятившая и взбалмошная южанка, не знающая настоящей жизни, притащившаяся сюда в поисках острых ощущений.

Открыть ему правду и излить душу, выложив карты на стол? Объяснить, что за последние месяцы моя жизнь укатилась в пропасть? Что я похоронила ребенка, потеряла работу, семью и смысл своего существования? Что я притащилась сюда от отчаяния, находясь на грани того, чтобы наложить на себя руки?... Зачем?

– Решила попутешествовать.

– Другого места для этого не нашлось?

По интонации его голоса я поняла, что он не поверил мне. Но решил то ли подыграть, то ли ему было совсем неинтересно докапываться до правды.

– Люблю дикую природу, – буркнула я в ответ, вытирая глаза краешком безразмерного свитера.

– Это заметно.

Повисло неловкое молчание. Я таращилась куда-то сквозь серые скалы, в голове было пусто. Зато у моего сопровождающего, судя по всему, мозговая деятельность кипела. Он явно о чем-то всерьез размышлял, продолжая изучать меня глазами.

– Я не поведу тебя обратно, – наконец, вымолвил он.

– Кто бы сомневался.

– Мы продолжим путь.

– Иди без меня.

– А ты заночуешь здесь в снегу?

– Именно.

Подтверждая его слова, я тут же свалилась спиной в сугроб, обмякнув, словно пустой мешок. Лицо наполовину завалило снегом, сугроб оказался глубоким, рыхлым и мягким. Я закрыла глаза и раскинула руки в стороны.

Вот она, моя граница. Моя финишная черта. Я достигла своего лимита. Больше бороться у меня нет сил. Не за чем.

– Поднимайся. Скоро стемнеет, нужно успеть обогнуть скалу с другой стороны.

– Нет.

Обогнуть скалу, куда-то идти, стемнеет... О чем он вообще говорит? Неужели не понятно, что мне плевать? Сейчас мне безразлично абсолютно все. Даже если бы из леса выбежал медведь и начал разрывать меня своими когтями. Мне просто все равно. На все. Совершенно...

– Поднимайся, я сказал.

Я не ответила. Пусть идет, куда ему нужно. Как будто я его держу.

– Вставай.

Голос прозвучал настолько резко, словно это дикий разъяренный зверь зарычал откуда-то из дебрей норы. Я слегка поежилась. То ли от этой интонации, то ли от того, что мне становилось холодно лежать в снегу.

– Я тебя ненавижу.

Слова сами вырвались из меня, и я удивилась тому, что внезапно произнесла. Это было смешно, ведь мы были чужими людьми, едва знакомыми. К тому же, он действительно меня спас, отрицать это было глупо. Но...

Я услышала, как рядом захрустел снег. Он шел ко мне.

«Сейчас запинает меня своим ботинком до полусмерти. А потом уйдет...»

Но меня ничуть не волновало то, что ждало меня сейчас. Я продолжала лежать с закрытыми глазами, практически не дыша. Мне хотелось, чтобы он просто ушел. Убрался прочь, оставив меня здесь одну.

Резкий рывок заставил распахнуть глаза. Я ощутила жгучую боль где-то ниже своих лопаток, а потом мое тело очутилось у него на плече. Рядом виднелась натянутая лямка огромного рюкзака, а внизу увязали в снегу его темно-коричневые ботинки.

– А ну отпусти!

Я попыталась вырваться, но он продолжал невозмутимо

идти вперед, придерживая меня одной рукой. Мой живот упирался в его набитый до отказа рюкзак. Должно быть, ему было очень непросто так быстро продвигаться по сугробам, волоча на своей спине столько груза.

Он молчал и шел вперед. Я попыталась пинать его спину своими коленями, но рюкзак не давал мне этого сделать. Затем я несколько минут плотоядно щелкала зубами рядом с его шеей, чтобы вцепиться в нее изо всех сил. Но он просто убрал голову в другую сторону, не замедлив свой ход. Я висела на его плече, как подстреленная вялая добыча, а он резво шел вперед, загребая носками ботинок белоснежные комья.

Затем я начала кричать. Я вопила сперва протестующе и истерично, срываясь на визг. А затем из меня полез какой-то животный, душераздирающий рев. Я болтала ногами, доставляя ему все больше неудобства, пыталась лишить его равновесия, повалить на мерзлую землю. Но он все так же молча шел дальше. Это длилось долгих полчаса, а потом силы покинули меня.

Судорожно выдохнув, я начала возмещать недостаток кислорода после своей истерии, жадно глотая воздух. У меня закружилась голова, все потемнело перед глазами. А потом глаза закрылись сами собой. Стало спокойно, очень легко и тихо.

Только звериное медвежье сердце тихо постукивало откуда-то издалека. И умиротворенно скрипел снег под подош-

вами чьих-то ботинок...

Глава 5

«В медвежьей шкуре»

Я пришла в себя, когда вокруг уже начинало темнеть. Снег стремительно окрашивался в темно-синий, небеса над головой сбрасывали на землю густой сумрак.

Я уселась и огляделась по сторонам. Мы находились под каким-то ветхим навесом, в котором зияли огромные дыры. Сквозь них я видела и глубокое, практически бездонное вечернее небо, и зажигающиеся по очереди далекие звезды.

Рядом весело похрустывали ветки в огне. В свете костра сидевший рядом мужчина казался огромным и неприветливым диким зверем. Он сурово вглядывался куда-то сквозь оранжевую пляску пламени, уложив ладони на свои колени.

– Где мы?

Я разглядела жалкие останки кирпичных стен, груды каких-то камней и полуразложившихся досок. Должно быть, именно из них Кир и распалил костер.

– На заброшенной лыжной базе.

Он не поднял головы. Я заметила, как вздулись вены на его широких кистях, что сейчас высывались из-под рукавов зимней куртки. Наверное, он очень долго нес меня на себе и порядком устал. На какие-то доли мгновения мне даже стало стыдно, а где-то в глубине грудной клетки затре-

петалось странное чувство, похожее на жалость.

– Что мы здесь делаем?

Он снизошел до того, чтобы смерить меня холодным взглядом:

– Я не успел обогнуть гору до темноты. Здесь ночевать безопаснее.

– Безопаснее?

– Да.

Я решила не уточнять, почему же здесь безопаснее и что именно он подразумевал под этими словами. Мне все еще было немного не по себе. Кажется, меня мучила совесть.

– Я бы поела...

Я поднялась на ноги и пересела поближе к огню. И поближе к своему хмурому проводнику. Сегодня он снова спас мне жизнь. Хотя мог бы запросто бросить меня одну.

«Спасибо...»

Сказать это вслух я не решилась. Но в тот момент я впервые поняла, что больше не хочу умирать. Нет. Я так много пережила за эти короткие пару дней. И мне показалось, что сейчас я стояла в начале какого-то нового этапа в своей жизни. Это новый путь. Именно здесь и начинается мое будущее.

Да, здесь. Среди этих мертвых скал. Где-то над залежами снега, над еловым бором, под этим морозным стылým воздухом. Где-то здесь. Рядом... С ним? Как глупо! Почему я об этом вообще подумала?..

Мужчина молча порылся в своем рюкзаке, а затем про-

тянул мне бутылку воды и что-то, напоминающее дешевые и несвежие закуски к пиву.

– Это что? – Брезгливо поморщилась я.

– Вяленая оленина.

– А ничего другого нет?

Спаситель промолчал. Ну, все ясно. Нормального питания мне в этом путешествии не видать. Я с трудом отгрызла от полоски вяленого мяса один небольшой кусочек. На вкус как будто старая колбаса, которую натерли хозяйственным мылом. Просто ужасно.

Ночь быстро окутала горную низину своим холодным покрывалом. Но рядом с живыми языками пламени было уютно и тепло. Я незаметно придвинулась еще ближе к своему молчаливому проводнику. Теперь мы сидели очень близко. Стоило лишь вытянуть руку, чтобы коснуться его светлеющей бороды. Но он, казалось, совсем не замечал меня. Все думал о чем-то своем, уставившись на огонь.

– А мы здесь надолго задержимся? – Поинтересовалась я, изо всех сил слюнявя и обгладывая невкусный кусок мяса.

– На рассвете пойдем дальше.

Он все смотрел куда-то в одну точку, время от времени сжимая и разжимая свои длинные жилистые пальцы. Мне внезапно захотелось узнать о нем как можно больше... Что вообще могло толкнуть молодого мужчину отказаться от нормальной жизни и очутиться здесь, в этих кошмарных краях? Какую тайну он скрывает?

– Тебе нравится здесь, да? – Я сделала неопределенный жест ладонью, описывая полукруг в воздухе. – Нравится жить в этом месте, бродить по этим горам?

Мужчина немного повернул голову и посмотрел мне в глаза. Сейчас он всерьез напоминал мне какого-то зверя. Мощного, дикого, не привыкшего к человеку. И даже в глазах его сквозило что-то звериное, не присущее людям. Это тяжело описать словами.

– Да.

– Зачем ты сюда приехал?

Я решила не терять возможности, раз уж меня удостоили ответом. Пусть и таким сухим. Пора встряхнуть из этого амбала все, узнать о нем побольше. Все же, мне с ним коротать еще не одну ночь. Наш путь будет долгим и, судя по всему, очень нелегким... Почему бы не изучить своего спутника как следует?

– Я всегда здесь был.

– В смы-ы-ысле?

Я удивленно вытаращила глаза. Что он имеет ввиду? Был всегда? Как это?

– Я здесь родился.

– Здесь? Родился?.. Здесь?!

– У тебя какие-то проблемы со слухом? – Раздраженно ответил он.

Нет... Никаких проблем со слухом у меня не было. Просто не каждый день видишь огромного белого мужика, кото-

рый резво бегает по заснеженным горам, да еще и от чистого сердца радуется этому. Нормальные люди в его возрасте в это время сидят со стаканом виски перед телеком и смотрят вечерние новости. Ну, или хотя бы засиживаются допоздна в офисе, стараясь выслужиться перед начальством и заполнить долгожданное повышение.

– Но ты же не похож на местного. Ты точно родился здесь?

– Да.

– Как забавно. Я думала, что местные жители – это что-то вроде... Ну, знаешь... эскимосов. Такие маленькие, узкоглазые, черненькие.

– Ты ошибалась. Маталлары – это потомки древних славян. Дети и правнуки первооткрывателей этих мест, которые решили остаться. Они и построили поселение у подножия горы Маталлар.

– Я этого не знала.

Надо же! Вот это новость... А я с детства себе представляла маталларов совсем иначе. Думала, будто это настоящие дикари, внешне совсем не похожие на городских жителей.

– Твои родители до сих пор живут там? У горы?

– У меня нет родителей.

– Как это?

Он потянулся к стопке прохудившихся досок, взял несколько и бросил в костер. Благодарное пламя с радостью набросилось на них, взметнувшись к небесам.

– Вот так.

– Так не бывает. Кто-то же должен был тебя родить, – возразила я.

– Меня нашли в берлоге. Охотники из поселения. Притащили в деревню, там я и вырос.

Я даже вперед наклонилась, чтоб получше разглядеть его лицо. Берлога, охотники... А не лжет ли он мне? Сейчас рассмеется, едва я сделаю вид, что верю ему. А потом выяснится, что он сынок обыкновенного бухгалтера с выраженной алкогольной зависимостью и медсестры из пригорода.

– В какой берлоге?

– В медвежьей.

– Ты сумасшедший, да?

Он вздохнул. Видимо, уже немало раз он травил эту историю кому-то до меня. И реакция слушателей была примерно такой же. А как еще можно было реагировать на такую чепуху?

– Трое охотников из Маталлара выслеживали самку медведя несколько суток. Шли по ее следам. Был январь, много снега, отыскать добычу было непросто. Кое-как они вышли на берлогу, но медведицы внутри не было. Зато они нашли меня. Мне было всего пару недель от роду. Никто не знает, как я там оказался и почему медведи не задрали меня насмерть. Очевидно, медведица оттащила меня в свою берлогу, чем спасла от смерти на холоде. Охотники долго спорили что со мной делать – оставить и убираться, или забрать и отнести в деревню. И все же решили забрать. В деревне меня

приютила семья главаря общины. И дала мне имя «Кир», что на языке маталларов означает «медведь».

Почему-то я ему поверила. Я и раньше про себя несколько раз называла его медведем. А теперь это странное сходство с лесным зверем стало еще более явным. Но я все же театрально закатила глаза. Нельзя так просто сдаваться. Да и звучит все это действительно слишком абсурдно.

– И теперь ты понимаешь язык животных и можешь призывать медведей на помощь, если захочешь?

– Только если нужно задавить надоедливую бабу. Спать пора.

Он внезапно оборвал разговор и поднялся на ноги. Рядом уже стояла разбитая палатка. Небольшая, из темно-зеленого непродуваемого полотнища. Но вряд ли в ней могло быть тепло и уютно спать в такую погоду.

– А мы не замерзнем?

– Я не замерзну, – бросил он.

В палатке и правда было очень холодно. Я отчаянно стучала зубами, укутавшись с головой под легкий флисовый плед. Рядом горячей грудой возвышалось бескрайнее тело спасителя. Окончательно замерзнув и испытывая невероятное желание согреться любым способом, я прильнула к нему из всех. Буквально вмялась собой в его грудную клетку и живот.

Я ожидала протестующих фраз или того, что он оттолкнет меня от себя, вскочив с тонкого матраса. Но он лежал молча.

Я знала, что он не спит. Очевидно, стук моих зубов убедил его в том, что подобные бытовые условия доставляли мне существенные страдания. Какая гуманность!

Стало гораздо теплее. Под его кожей бушевало живое медвежье сердце, стремительно разгоняющее кровь по выступающим венам. Я достаточно мелко подрагивала, поджав колени к груди, когда на мою спину внезапно грохнулась огромная горячая ладонь. Ну вот и настал конец моим обогревательным маневрам. Сейчас он вышвырнет меня вон из палатки или даже отвесит затрещину... Но спаситель одним рывком притянул меня к себе, запрятав куда-то в область между своей шеей и бедрами.

Мне давно не было так спокойно и умиротворенно в глубине души. Показалось, что все мои недавние страдания и беды остались далеко позади, где-то за кронами вечнозеленых елей, затерялись в вязком свете покинутых городских улиц. Мое горе тихо поела и растворяла река прошлого. Я ощущала себя крошечным существом в лапах сурового зверя. Но этот зверь не собирался терзать меня.

Я чувствовала запах его кожи, терпкий и почему-то как будто даже родной, хорошо знакомый мне. Словно из другой, прежней и давно забытой жизни. Сердце его гулко и часто ходило ходуном под ребрами, в которые я упиралась своим лицом. Он лежал совсем рядом, занимая своими плечами всю ширину крошечной палатки, как будто языческий бог обособленного крошечного мирка. Я жадно вдыхала запах

горячего тела, цепко обхватив его лопатки своими руками.

Глупая жертва, которая добровольно шагнула в лапы свирепого хищника... Но почему мне не страшно? Ведь я совсем его не знаю. И легкомысленно отогреваюсь в руках чужого, огромного человека где-то в затерянной, безмолвной ледяной глуши?..

Я уже почти уснула, лежа в тесных медвежьих объятиях, когда где-то за горой раздался протяжный волчий вой. Я вздрогнула, открыла глаза и напряглась. С той стороны вершины по ночному снежному полю бродил голодный хищник. Как далеко он от нашей палатки? Не учует ли он двух неожиданных путников?.. А вдруг он придет сюда?

– Тебе нечего бояться, пока я рядом, – низко загудело где-то над моей головой.

И я снова ему поверила...

Впервые после смерти дочери мне не снились изматывающие кошмары. Я проснулась на рассвете отдохнувшей, бодрой и даже немного веселой, несмотря на морозную погоду. В палатке Кира не было.

Я выбралась наружу. Костер все еще полыхал, а рядом с ним снег разрывали свежие человеческие следы. Затем они тянулись прочь, исчезая где-то за разрушенными обветшалыми стенами.

Я прождала долгих несколько минут. Его все не было. Мне стало страшно. И очень холодно. С ужасом я представила, как останусь здесь одна. Ночью, в полной темноте. По-

среди заснеженной пустыни. Там, где рядом бродят голодные звери. Где негде спрятаться и нельзя согреться...

Из глаз хлынули слезы. Я металась вокруг костра, в страхе вскидывая руки и крича изо всех сил:

– Кир! Ки-и-ир! Где ты? Кир!

Мое безумие прервал сипловатый бас, раздавшийся позади моей спины.

– Я ходил в туалет.

О, эти протяжные и ненавистные прежде, нелепо растягиваемые гласные буквы! Сейчас это был лучший звук на свете, самый приятный и сладостный для моего слуха.

В порыве благодарности и нахлынувшего чувства облегчения, я бросилась мужчине прямо на шею, повиснув на нем, словно неуклюжий щенок. Слезы на моих щеках все еще отблескивали в свете блеклого утреннего солнца. Но страх уже полностью отпустил.

– Я думала, что ты бросил меня здесь одну.

– Я бы забрал палатку.

Я с трудом подавила желание хлопнуть его ладонью по лицу. Вместо этого я разжала руки и мягко опустилась в снег, отстраняясь от него. Он посмотрел на меня по-новому. Когда-то на меня смотрели так ранее. Но он – никогда. Неужели я нравлюсь ему? Или я сама придумываю себе то, чего нет? Воображаю?

– Пора идти.

Я потушила костер, забросав его снегом. Кир быстро со-

брал рюкзак, скрутил одеяло, матрас и палатку, пристегнул их ремнями на пояс за спиной.

– Снова собирается метель, в этот раз нам обязательно нужно обогнуть гору до наступления темноты, – он немного помолчал, а затем добавил. – Надеюсь, что сегодня ты пойдешь своими ногами и мы будем двигаться быстрее.

Он пошел вперед. Я послушно пробиралась следом. Солнце поднялось выше, осветив сверху белую пустошь у подножия горы. Задорно искрился иней на редких деревьях, растущих здесь.

С обратной стороны скалы голодный волк медленно убирался прочь, оставляя на рыхлом снегу круглые следы когтистых лап. Долиной целиком завладел новый морозный день.

Глава 6

«Учись дышать заново»

Мы едва как ползли вдоль пологого склона. Вернее, это я еле передвигала ноги, выбившись из сил. А Кир резво шагал вперед, раз за разом бодро вытаскивая свои ступни из сугробов. Казалось, что никакие силы мира не могут нарушить его планов или сбить с намеченного пути.

Мы уже практически обогнули первую горную грядку. Развалившаяся лыжная база осталась где-то далеко позади, за сереющими скальными камнями, облаченными в белые шапки. То ли мне совсем не хватало выдержки и физических тренировок, то ли я просто окончательно устала, но я начала задыхаться. Двигаться вперед становилось все сложнее.

– Подожди... Стой...

Я с размаху уселась в небольшой сугроб, дыша, словно смертельно раненный бизон. Легкие как будто сжались в грудной клетке. У меня начала кружиться голова, постепенно теряли чувствительность губы и кончики пальцев... Неужели я замерзаю? Но ведь мороз не казался сегодня таким уж суровым. Более того, от быстрой ходьбы мне было даже немного жарко.

– В чем дело? – Проворчал Кир.

Он остановился. И теперь стоял, недовольно глядя на ме-

ня сверху вниз, придерживая обеими руками лямки большого туристического рюкзака на своих плечах.

– Не знаю... Тяжело-о...

Я так и не смогла отдышаться. Грудь отказывалась набирать в себя горный воздух, хотя я неистово старалась вдыхать как можно глубже.

– Я ведь совсем забыл.

Спаситель неожиданно хлопнул себя по лбу. А затем подошел ко мне и присел рядом, вытянув ноги.

– Здесь же аномальная зона. С этой стороны горной гряды разреженный воздух и низкое атмосферное давление. Обычно так бывает на вершинах гор, а это практически самая низина. Ученые так и не смогли выяснить, отчего здесь это происходит, – он задумчиво потеревил колючую бороду. – Старайся дышать часто и неглубоко. Если закружится голова или потемнеет в глазах, говори мне. Будем чаще делать привал. К вечеру мы обогнем гряду и покинем это место.

– Хорошо, – сдавленно хрипнула я в ответ.

Я плохо помню следующие несколько часов пути. Все было как во сне, как будто в густом тумане. Мы брели вперед, Кир нарочно замедлил шаг, чтобы мне было легче преодолеть эту сложную часть нашего путешествия. Но я все равно ужасно страдала и задыхалась, жадно заглатывая воздух словно рыба, выброшенная на берег.

– Дыши ровно и неглубоко. Вдыхай чаще, – в очередной раз гудел низкий голос откуда-то спереди.

Я послушно кивала головой... И продолжала громко хрипеть, ощущая острую нехватку кислорода. Мне было физически больно, я всерьез начала понимать, что если это не закончится вскоре, то я не вынесу и умру.

Это ощущение тяжело описать. Но, наверное, нечто подобное можно ощутить, если из помещения откачают добрую половину воздуха, а затем поместят туда несчастного человека. Некуда деваться, некуда бежать. Больно дышать, а область груди не покидает ощущение сдавленности и покалывания. И даже глубокий вдох не приносит облегчения. Только жгучую боль.

...Перед глазами все смазывалось, ноги и руки практически меня не слушались.

– Посмотри на меня. Посмотри. Смотри, как я дышу.

Мы устроили очередной привал. Снега здесь почти не было, это бы показалось мне странным при других обстоятельствах, но сейчас мне было все равно. Я задыхалась. Этим мучениям не было ни конца, ни края.

– Видишь, я дышу поверхностно и часто. Не паникую, веду себя спокойно. Поэтому нехватка кислорода не причиняет мне таких страданий. Попробуй дышать так же.

Я только еще больше вытаращила глаза в ответ и захрипела с новой силой, судорожно глотая ртом воздух. Как же я жалела, что не осталась дома! Такого кошмара со мной еще никогда не случалось. Задыхаться на протяжении нескольких часов – это действительно ужасно!

– Пожалуйста, прекрати. Успокойся. Дыши, как я.

Он снова принялся что-то мне терпеливо объяснять, но я уже даже не вслушивалась. Мне становилось хуже с каждой минутой. Наверное, через час я уже буду мертва, если мы не выберемся из этого проклятого места. Но быстрее идти я просто не могу, мне нечем дышать. Сейчас так хотелось набрать полную грудь воздуха, дать легким расправиться. Впервые в своей жизни мне адски хотелось дышать полной грудью. Просто дышать! И ничего больше.

Все смазлось в какой-то бредовый комок. Настоящее, прошлое и будущее смешалось в моей голове. Реальность и галлюцинации тесно переплелись, и разделить их больше не представлялось возможным. Я видела, как Кир стоит напротив меня. А потом внезапно весь покрывается густой коричневой шерстью, превращаясь в огромного медведя... И учит меня правильно дышать, широко раскрывая свою звериную пасть. А потом подбирается все ближе, вплотную к моему лицу и моим губам, касается своей жесткой шерстью моей замерзшей кожи...

– Тамара! Тамара!

Я открыла глаза. Никогда прежде он не называл меня по имени. Наверное, это меня и привело в чувство. Удивление, смешанное со странным чувством... Не знаю. Просто звук собственного имени, произнесенный его голосом, казался мне каким-то особенным.

– Удивительно, что ты запомнил, как меня зовут... – про-

сипела я.

– Ты потеряла сознание и не реагировала даже на шлепки.

– Шлепки?

– Я пытался привести тебя в сознание.

– Ну конечно...

Я с трудом привстала, а затем поднялась на ноги. Мужчина подал мне свою руку, подставив плечо. Я полулежала на нем, вяло болтаясь на онемевших ногах.

– Дыши, как я. Повторяй за мной, – прозвучал голос прямо над моим ухом.

– Серьезно? Будешь меня учить дышать?

– Повторяй.

Заметив, что я ничуть не реагирую на его настойчивые уроки, он вдруг резко притянул меня к себе, едва ли не расплющив о собственное тело. Затем он принялся понемногу набирать кислород в легкие, заставляя меня дышать вместе с ним. И хотя я старалась синхронно выполнять его команды, подстраиваясь под едва различимые выдохи, из этого ничего не получалось.

Немного позже, прокручивая в своей памяти это мгновение, я поняла, что от близости его тела мне стало еще хуже. Ведь теперь меня мучила не только необъяснимая гипоксия, поджидающая неопытного зазевавшегося путника. Чувствовать себя скованной его объятиями и ощущать его горячее дыхание на своей коже оказалось еще страшнее.

Я попыталась сосредоточиться. Дышать поверхностно,

часто. Глубоко не вдыхать... Получилось у меня не сразу, тело по инерции стремилось восполнить недостаток кислорода, и мне упорно хотелось вдохнуть как можно глубже.

Когда мы продолжили путь, я уже немного пришла в норму. Конечно, мне все еще было плохо. Голова кружилась гораздо слабее, но взгляд остался мутным. Конечности не очень хорошо меня слушались, странная слабость разлилась по всему телу. Но идти стало легче.

– Через час с лишним мы покинем это место.

– Хорошо бы, – пробормотала я себе под нос.

Снег скрипел под подошвами огромных медвежьих ботинок. Я шла по его следам, держась немного позади.

– Знаешь, какую байку рассказывают на горе Маталлар об этом месте?

– Какую же?

– Что боги специально создали его. Чтобы никто не мог проникнуть к горе. Туристы здесь не ходят, все поворачивают назад. Эта обветшалая база, где мы ночевали – последняя точка, которую может преодолеть обыкновенный человек. Дальше никто не двигается. Так что ты можешь гордиться собой. Знаешь, ты первый... – Он замялся, словно решая, как же именно меня окрестить. – ...Турист, который здесь ходит.

– Я всегда считала себя очень слабой.

Он хмыкнул. Я даже отсюда интуитивно почувствовала, не видя его лица, что рот его искривила блуждающая усмешка.

ка.

– Слабый бы непременно помер в лесу ночью. Замерз на-
смерть всего за час. Я был уверен, что ты мертва, когда на-
шел тебя у своей хижины.

– Почему же?

– Тот вид, что у тебя был, обычно имеют трупы. И твоя
одежда... – Он снова коротко ухмыльнулся. – Я до сих пор
не могу понять, как тебе удалось выжить. Если ты говоришь,
что очутилась в лесу на закате...

– Так и было, – выдохнула я, перебив его.

Дышать разреженным воздухом становится проще, если
ты не паникуешь и не бьешься в истерику. Сейчас я могла
даже вести беседы и отвечать своему бородатому спасителю.
Хотя физический дискомфорт и ноющая боль в легких меня
беспокоили так же, как и прежде. И не покидало ощущение
нереальности всего происходящего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.